

·the big book·
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ЗАБЫТЫЙ
ЛЕГИОН

Забывтый легион
Серебряный орел
Дорога в Рим

БЕН КЕЙН

СЕРЕБРЯНЫЙ ОРЕЛ

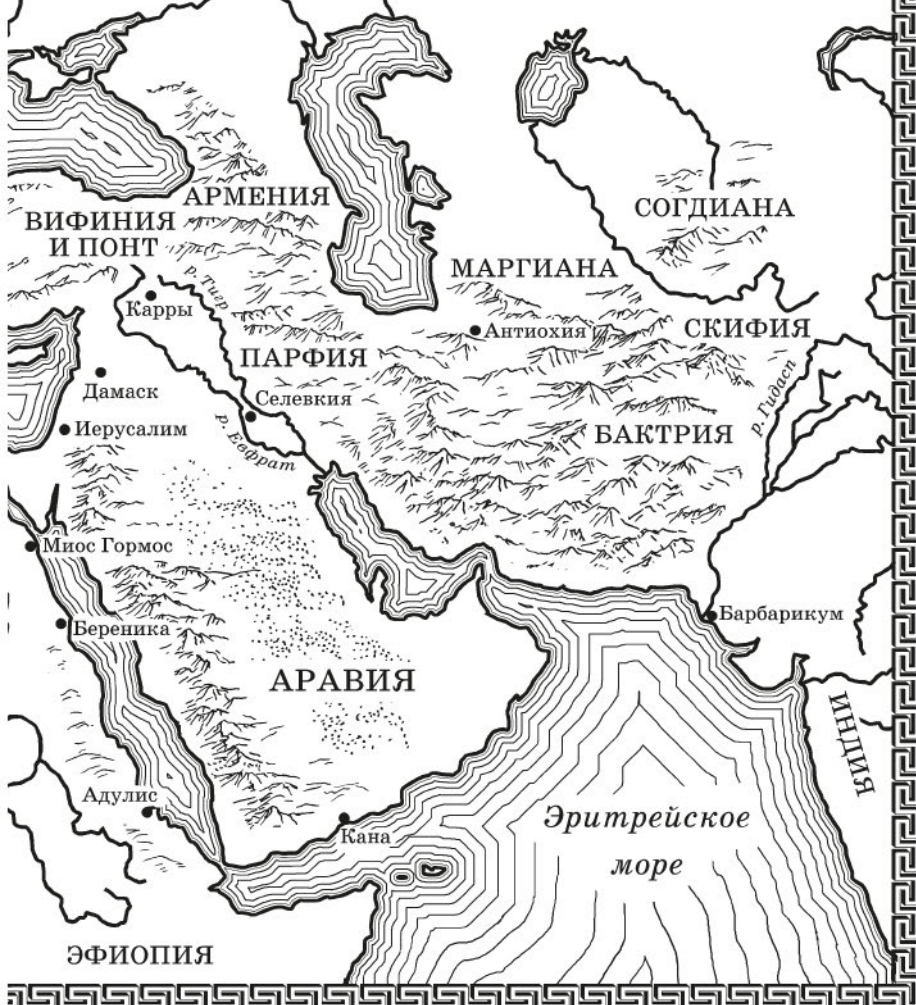
Санкт-Петербург

*Моей замечательной жене Саре,
без любви, поддержки и терпения которой
многие вещи я переносил бы с трудом.
Эта книга посвящается тебе*

ЕВРАЗИЯ

В I ВЕКЕ
ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

ГЛАВА I

ХРАМ МИТРЫ

Восточная Маргиана, зима 53/52 г. до н. э.

Отойдя на добрую милю от форта, парфяне наконец остановились. Ровный хруст сапог и сандалий по промерзшей земле смолк, и сразу повисла оглушительная тишина. Негромкое покашливание и звон кольчуг мгновенно глохли в ледяном воздухе. Еще не совсем стемнело, и Ромул смог разглядеть цель похода: почти бесформенный серовато-коричневый утес, искалеченный ветрами и непогодами, замыкал череду приземистых холмов. Всматриваясь в сгущавшийся мрак, крепкий молодой солдат попытался понять, ради чего мог прийти сюда воинский отряд. В поле зрения не было никаких строений, и извилистая тропинка, по которой они шли, похоже, прерывалась у подножия утеса. Удивленно вскинув брови, он повернулся к Бренну, своему другу и, пожалуй, приемному отцу.

— Во имя Юпитера, зачем мы здесь?

— Тарквинию что-то известно, — буркнул Бренн, сутуля под толстым военным плащом могучие плечи. — Как всегда.

— Но нам он ничего не скажет! — Ромул сложил ладони пригоршней, поднес к лицу и принялся дышать на них, пытаясь отогреть пальцы и щеки одновременно. Его орлиный нос уже заоченел.

— Рано или поздно все прояснится, — усмехнувшись, ответил галл. Ромул хотел было возразить, но промолчал. Нетерпеливость не ускоряет событий. Подожди, сказал он себе.

Оба воина были в матерчатых безрукавках на голое тело. Поверх — кольчужные рубахи. Хорошо защищая от ударов клинков, тяжелая металлическая сеть буквально высасывала тепло из тела. Шерстяные плащи, шарфы и войлочные колпаки под бронзовыми шлемами помогали сохранять тепло и кое-как спасали от мороза. Впрочем, толку от этого было немного, так

как ноги в тяжелых стоптанных сандалиях-калигах, лишь до середины икр прикрытые штанами из грубой шерсти, все равно невыносимо мерзли.

— Ну так пойди и спроси его, — вновь усмехнулся Бренн. — Пока мы яйца не отморозили.

Ромул тоже улыбнулся.

Оба они уже обращались к этруску-гаруспику за разъяснениями, когда он недавно появился в душевной комнатухе казармы, чтобы позвать их с собой. Тарквиний редко распространялся о предстоящих событиях. Вот и на этот раз он лишь невнятно пробормотал что-то об особом приказе Пакора, командира легиона. И о том, что есть шанс выяснить, удастся ли им выбраться из Маргианы. Отпускать друга одного им не хотелось, да и узнать что-то новенькое тоже было неплохо.

Бои, почти непрерывно продолжавшиеся два минувших года, уже несколько месяцев как закончились. Однако долгожданная передышка быстро превратилась в утомительную рутину. Теперь в выстроенном по классическому римскому образцу лагере они непрерывно упражнялись, чтобы сохранить силу и выносливость, несли караульную службу, чинили снаряжение и даже маршировали парадным строем. Некоторое разнообразие вносили в жизнь нечастые рейды по окрестностям. Этой суровой зимой даже племена, постоянно совершавшие набеги на Маргиану, не желали воевать. И потому предложение Тарквиния показалось даром небес.

И все же нынче Ромул не просто искал развлечения. Ему было позарез необходимо услышать хоть какое-нибудь упоминание о Риме. Город, где он родился, лежал теперь на противоположном конце мира, и дорогу туда преграждали раскинувшиеся на тысячи миль горы, пустыни и страны, населенные враждебными народами. Есть ли у него шанс когда-нибудь возвратиться туда? Как почти все его товарищи, Ромул днями и ночами грезил о такой возможности. Здесь, на краю земли, никакой иной опоры просто не было, и неожиданная непонятная прогулка все же вселяла какую-то крупинку надежды.

— Ладно, подожду, — произнес он, немного помолчав. — Как-никак мы же сами вызвались. — Юноша потупил взгляд и переступил с ноги на ногу. Висевший на переброшенном через плечо

кожаном ремне овальный щит, скутум, качнулся от его движения. — Ты же видел, какое настроение у Пакора. Да если я вылезу с вопросом, он собственноручно отрежет мне яйца. Пусть уж лучше отмерзнут сами.

Брэнн громко захохотал.

Пакор, низкорослый и смуглый парфянин, одетый в богато расшитую безрукавку, штаны и высокие сапоги, возглавлял отряд. Спасаясь от холода, он кутался в плащ из медвежьей шкуры, голову его прикрывала остроконечная парфянская шляпа. Под меховой накидкой к узкому, украшенному золотом поясу были привешены два кинжала и меч, на ножнах и рукояти которого сверкали драгоценные камни. Пакор, храбрый, но совершенно безжалостный человек, командовал Забытым легионом, остатками огромной римской армии, которую разгромил минувшим летом парфянский военачальник Сурена.

Оба друга, как и Тарквиний, были всего лишь ничем не примечательными солдатами. К тому же пленниками. Какая нелепость, думал Ромул. Неужели ему всю жизнь предстоит менять одного хозяина на другого? Первым был Гемелл, жестокий купец, которому принадлежала вся семья Ромула — мать Вельвинна, сестра-близнец Фабиола и он сам. Когда у Гемелла начались серьезные денежные затруднения, он продал тринадцатилетнего Ромула Мемору, ланисте Лудус магнус, самой большой гладиаторской школы Рима. Мемор не был садистом, как Гемелл, но, всегда занимаясь одним и тем же — обучением рабов и преступников тому, как сражаться и умирать на арене, — ни во что не ставил жизнь гладиаторов. Ромул даже сплюнул, вспомнив о прошлом. Там, в школе, чтобы выжить, ему приходилось убивать. И не раз. «Убивай, не то тебя убьют» — Брэнн постоянно повторял эти слова; они и сейчас звучали в ушах юноши.

Ромул проверил, легко ли ходит в ножнах его короткий обоюдоострый гладиус, висит ли на поясе с другой стороны кинжал с костяной ручкой. Он давно уже совершал эти действия не задумываясь, по привычке. Но сейчас на его лице мелькнула улыбка — он заметил, что Брэнн делает то же самое. Как и все римские солдаты, они несли с собою по два копья с железными остриями — пилумы. Их спутники, несколько лучших воинов Пакора, ничуть не походили на римлян. Одеты они были почти

так же, как командир, только заметно проще — в шерстяные, а не меховые плащи с разрезами; вооружены длинными ножами, а на боку у каждого висел легкий колчан, в котором помещались и могучий многослойный лук, и запас стрел. Парфяне знали толк в обращении с самым разным оружием, но прежде всего славились своим умением стрелять. Мне повезло, что не пришлось биться ни с одним из них на арене, подумал Ромул. Любой парфянский лучник мог выпустить полдюжины стрел за то время, какое требуется человеку, чтобы пробежать сотню шагов. И почти каждая стрела попадала в цель.

К счастью, в школе гладиаторов судьба свела его с Бренном. Ромул снова взглянул на друга, на сей раз с искренней благодарностью. Если бы не дружба с галлом, он наверняка не выдержал бы той страшной жизни. А так за два года на его долю выпало лишь одно происшествие, по-настоящему опасное для жизни. Тогда, поздней ночью, казалось бы, обычная уличная потасовка закончилась тем, что обоим друзьям пришлось немедленно бежать из Рима. Им удалось наняться в армию, и новым их хозяином сделался Красс. Этот политик, богач и член правящего в Риме триумvirата отчаянно стремился достичь военной славы, которой обладали его соправители Юлий Цезарь и Помпей Великий. Чванливый глупец, подумал Ромул. Будь у него что-то общее с Цезарем, все мы сейчас были бы дома. Но Красс привел тридцать пять тысяч человек не к славе, а к кровавому позорному разгрому близ Карр. Оставшиеся в живых — приблизительно треть армии — попали в плен к парфянам, превосходившим жестокостью даже Мемора. Пленники были поставлены перед выбором: их «напоят» расплавленным золотом, распнут на крестах или же они согласятся нести пограничную стражу в дальнем, малонаселенном конце Парфянского царства. Естественно, легионеры выбрали третий вариант.

Ромул вздохнул, теперь он уже сомневался, что выбор был верным. Начинало казаться, что они проведут остаток жизни в боях с извечными врагами новых повелителей — дикими кочевыми племенами из Согдианы, Бактрии и Скифии.

И сюда он пришел, чтобы узнать, есть ли какой-нибудь выход из этого жалкого положения.

Взгляд темных глаз Тарквиния пробежал по скале. Ничего.

Тарквиний не походил ни на кого из тех воинов, с которыми ему выдалось служить. Длинные белокурые волосы, схваченные матерчатой лентой, не скрывали тонкого лица с высокими скулами и золотой сережкой в правом ухе. Под одеждой этруск носил бронзовую кирасу, отделанную кольчужной полосой, завершала его одяние короткая, отороченная кожей юбка центуриона. За спиной — небольшой мешок на лямках. С правого плеча свисала на ремне обоюдоострая боевая секира. В отличие от всех остальных гаруспик никогда не носил плаща. Он хотел, чтобы его органы чувств всегда работали с полной нагрузкой.

— Ну! — требовательно воскликнул Пакор. — Видишь вход?

Тарквиний чуть заметно нахмурил брови, но ничего не сказал. За долгие годы обучения у Олиния, своего наставника, он научился терпению. Впрочем, другие часто принимали его деланую бесстрастность за самодовольство.

Командир как бы ненароком взглянул направо.

Тарквиний же нарочно поглядел в другую сторону. О великий Митра, думал он, покажи мне свой храм.

— Здесь не больше тридцати шагов! — усмехнулся Пакор, не в силах больше сдерживаться.

Несколько воинов злорадно захихикали.

Не меняя выражения лица, Тарквиний перевел взгляд туда, куда за мгновение до того смотрел командир. Он долго и пристально всматривался в утес, но так ничего и не увидел.

— Ты шарлатан. Я всегда был в этом уверен, — рявкнул Пакор. — Зря я сделал тебя центурионом.

Похоже, парфянин напрочь забыл о том, как он, Тарквиний, снабдил легион секретным оружием, с горечью подумал гаруспик. Рубин, несколько лет назад полученный в дар от Олиния, пошел в уплату за шелк, который до сих пор покрывал щиты пяти с лишним тысяч легионеров, делая их неуязвимыми для смертоносных стрел, выпущенных из мощных изогнутых луков. Это он, Тарквиний, додумался изготовить несколько тысяч длинных копий, с которыми пехота могла успешно противостоять любой коннице. Только благодаря изобретенной им тактике удалось полностью уничтожить мощный воинский отряд согдийцев, громивший города Маргианы. Не говоря уже о том,

что его лекарские знания помогли спасти жизни множеству раненых и больных воинов. Присвоение звания центуриона явилось молчаливым признанием заслуг Тарквиния и подтверждением того уважения, каким он пользовался в войске. Но возвращать командиру ему до сих пор не приходилось.

Власть над жизнью всех воинов полностью принадлежала Пакору. Пока что Тарквиния и, в какой-то степени, его друзей защищал от произвола, который мог вылиться в жестокое наказание, пытку или даже смертную казнь, тот страх, который командир легиона испытывал перед пророческими способностями гаруспика. А в последнее время — впервые за всю жизнь этруска — они покинули его.

И постоянным спутником Тарквиния сделался страх — неведомое ему прежде чувство.

Уже несколько месяцев ему приходилось выкручиваться, полагаясь только на собственное чутье, не получая от богов никаких вразумительных подсказок. Тарквиний пристально вглядывался в каждое облако, изучал каждый порыв ветра, каждую птицу, каждое животное, которые попадались ему на глаза. Тщетно. Даже жертвоприношения кур и агнцев, обычно позволявшие безошибочно угадывать будущее, оказывались по большей части бесплодными. Лиловая печень жертвенных животных, богатейший источник предвидения, какой только знала гаруспиция, не давала ему никаких подсказок. Тарквиний не мог понять происходящего. Я был гаруспиком почти двадцать лет, мрачно думал он. И никогда прежде не лишался дара предвидения. Наверное, боги всерьез разгневались на меня. То и дело Тарквиний вспоминал Харона, этрусского демона загробного мира, и то, как он появится из-под земли, чтобы поглотить всех. Рыжеволосый, синезокий Харон таился в тени Пакора, из его пасти торчали зубы, с которых обильно капала слюна, и он готов был растерзать Тарквиния, как только терпение командира иссякнет. А этого недолго оставалось ждать. Вовсе не обязательно быть гаруспиком, чтобы понять, что значат движения Пакора, устало подумал Тарквиний. Парфянин походил на полосу закаленного металла, скрученную так туго, что она в любой момент могла или распрямиться с сокрушительной силой, или сломаться.

— Ну ладно, ради всех святынь, — загремел Пакор, — так и быть, покажу тебе! — Выхватив факел у одного из стражников, он двинулся вперед. Остальные последовали за ним. Пройдя двадцать шагов, парфянин остановился. — Смотри! — Он указал факелом вперед.

Глаза Тарквиния широко раскрылись. Прямо перед ними лежала площадка, вымощенная тщательно обтесанными булыжниками. Посреди нее темнело обрамленное тяжелыми каменными плитами большое квадратное отверстие, ведущее под землю. На обветренных камнях виднелись высеченные надписи и рисунки. Тарквиний шагнул поближе, чтобы разглядеть изображения, и узнал очертания ворона, подогнувшего передние ноги быка, красивую корону о семи зубцах. А это? Неужели фригийский колпак? Изображение очень походило на те тупоконечные шапки, которые с незапамятных времен носили гаруспики, с трепетом подумал он. Эти картинки не на шутку взволновали его, потому что за ними, возможно, скрывалось то, что он давно искал, — указание на места, откуда некогда пришли соплеменники Тарквиния.

Много веков назад этруски заселили Центральную Италию, но пришли они с востока. Следы их цивилизации попадались в Малой Азии, но легенда утверждала, что они явились из каких-то гораздо более дальних мест. Из тех, откуда пришел Митра. Не многое так уж волновало Тарквиния, но эта легенда — больше всего. Уже много лет он искал сведения о прошлом этрусков, но добился очень малого. И только здесь, на востоке, непроницаемый туман времени вроде бы начал понемногу рассеиваться. А это значило, что Олиний был прав — в очередной раз. Старик предсказал ему, что он сможет узнать больше, совершив путешествие в Парфянское царство и за его пределы.

— Обычно в храм Митры допускается только тот, кто верует в него, — провозгласил Пакор. — Нечестивцы караются смертью.

Все мысли о возможном открытии истоков происхождения этрусков вылетели из головы Тарквиния. Он невольно поморщился. Впрочем, каждое слово о Митре и поклонении ему давало лишний шанс выжить.

— Тебе дозволено войти, чтобы ты мог предсказать будущее мне и всему Забытому легиону, — продолжал Пакор. — Если я распознаю в твоих словах неправду, ты умрешь.

Ни одна черта не дрогнула на лице Тарквиния. Он продолжал молча смотреть на командира, ведь тот еще не закончил.

— Но перед этим, — чуть запнувшись, проговорил Пакор и перевел взгляд на Ромула и Бренна, — умрут твои друзья. Умрут медленной и мучительной смертью. А ты будешь на это смотреть.

Тарквиния захлестнул гнев, но он и этого не выдал, а лишь твердо посмотрел Пакору в глаза. Через несколько мгновений парфянин отвел взгляд. Какая-то сила у меня все еще остается, подумал гаруспик, но мысль эта вызвала ощущение, похожее на привкус пепла в пересохшем рту. Сейчас все преимущества были на стороне Пакора. Если только боги не ниспошлют гаруспику какое-нибудь достойное внимания откровение в храме Митры, то все они вскоре погибнут. И зачем он настоял, чтобы его друзья отправились нынче вечером вместе с ним? Вот самый маловажный из вопросов, которые он хотел бы задать богам. Собственная участь мало заботила Тарквиния, но совесть уже терзала его. Неужели и храбрый великан Бренн, и Ромул, молодой человек, которого он полюбил как сына, должны будут поплатиться за его промахи? Они познакомились спустя несколько дней после того, как завербовались в армию Красса, и вскоре крепко подружились. Тогда Тарквиний безошибочно предсказывал будущее, и друзья полностью доверяли ему. После первого разгрома при Каррах, когда единственным путем к спасению казалось бегство под покровом ночи, они доверились его решению и остались с ним, слепо связав свои судьбы с его будущим. И до сих пор то и дело обращались к нему за советом. Их жизни не могут оборваться здесь и сейчас, едва ли не с отчаянием подумал Тарквиний. Так не должно случиться.

— Да будет так! — отозвался он, повысив голос и постаравшись, чтобы в нем слышались нотки, звучавшие в важнейших из его предсказаний. — Митра подаст мне знак.

Ромул и Бренн резко повернули головы, и Тарквиний увидел, что лица обоих озарила надежда. Особенно Ромула. Почему-то Тарквинию от этого стало легче.